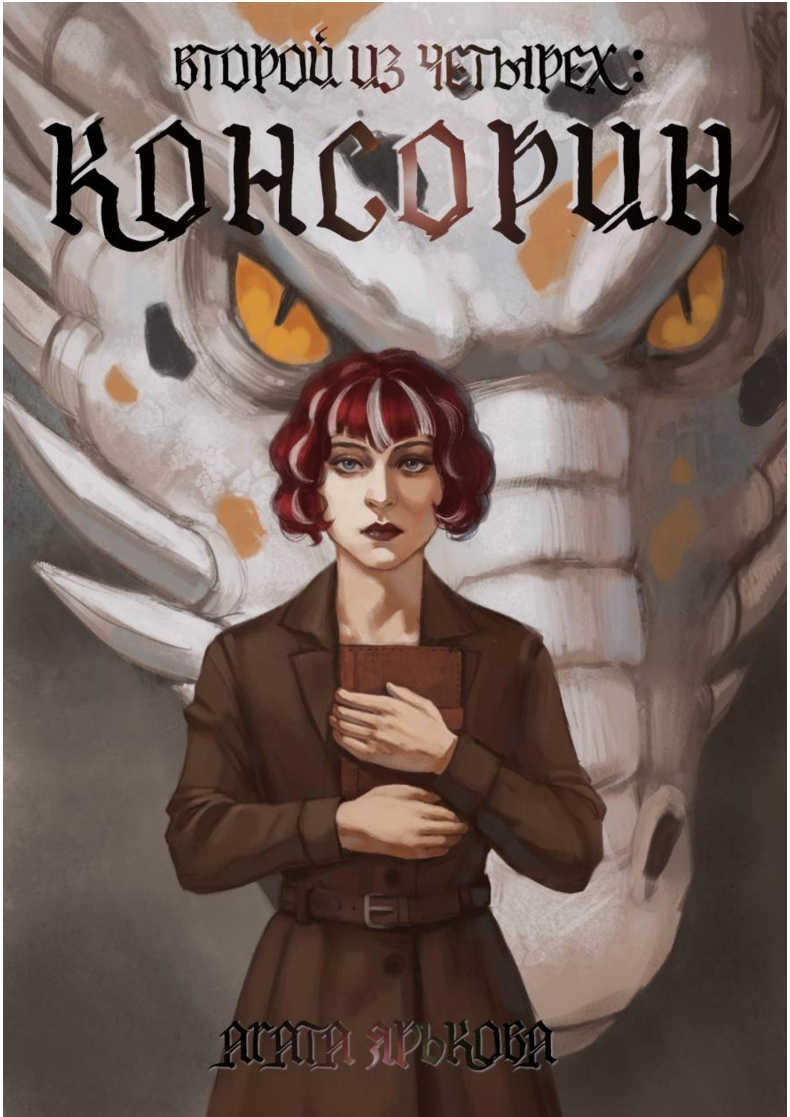

ВТОРОЙ ИЗ ЧЕТЫРЕХ:
КОНСОРИН
АГАТА ЯРЫКОВА

Агата Ярькова

Второй из четырех: Консорин

https://litres.ru/74714592
SelfPub; 2026

Аннотация

Четверо лучших студентов Академии искусств отправляются на практику, о которой остальные могут лишь мечтать. Лето обещает поездку к побережью, наслаждение просторами востока Консорина и наблюдение за величественными драконами. Но путешествие юных художников оборачивается непрекращающейся чередой невзгод, и на кону оказывается нечто большее, чем удачные работы для выпускного ректорского просмотра.

Таинственные исчезновения людей, странное поведение драконов, катаклизмы — вот плата за нарушение естественного течения магии в мире. Студенты, пронырливая столичная журналистка и уставший казначей Драконьего ордена пытаются выяснить, кто за этим стоит.

Они не знают, что обратный отсчет до катастрофы уже начался.

Содержание

Глава 1. Аномалия 4
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Агата Ярькова
Второй из четырех: Консорин

Глава 1. Аномалия

Время пробуждения, весна, 3 090 год от первого полета

Чернильная клякса расползлась по светло-бежевому листу, поглотила столбец расходов, затекла на перечисление поступлений в казну ордена и отпечаталась расплывчатым клеймом на ладони. Стрелка настенных часов с тихим клацаньем перевалила за половину первого, и ночь, казалось, враз загустела. Оставляя на коже мазки чернил, Марац провел испачканной рукой по выбритой голове, потер глаза, поправил завязку на заплетенной в тонкую косу бело-рыжей бороде, а потом смял листок и отправил в ведро, где уже покоились десятки подобных бумажных комочков.

— Да что б все пошло прахом! — прошипел он и вновь взялся прохладное металлическое перо. И отчего только совету не нравятся отчеты, напечатанные на машинке?

Наверное, рассчитывают, что Марац побоится приписать своей рукой лишние расходы. А может, Клифу просто нравится видеть, как неугодный ему казначей страдает? Марац

и Клиф не ладили вот уже десять лет, а с назначением Клифа главой Драконьего ордена отношения совсем испортились. Марац теперь не трясся над бумагами сверх положенного, недолюбливал крылатых тварей и тихо злился оттого, что никак не соберется с силами и не вернется в столицу.

— Ах, Ильма-ки-Тагра, город золотой, — еле слышно запел он, приглаживая помятый лист счетной книги, — даруй мне любовь, счастье и покой.

Перо порвало бумагу, оставив на месте буквы «и» в слове «убытки» прореху с темными разводами по сторонам. Марац отложил металлический стерженек в сторону и поднял руки, готовясь смести со стола и мерцающую лампу, и стопки счетных книг, и пузатую чернильницу, и чешуйчатый подстаканник, в котором давным-давно обосновались пучки карандашей и запасные перья. Не двигался, пока часовая стрелка не описала еще один круг, а потом резко встал и принялся одеваться. Влез в теплые сапоги, потуже подпоясал дубленку, натянул плотную шапку из овечьей шерсти, выдернул шнур лампы из розетки и вышел из жарко натопленной комнаты на железную лестницу, прижимавшуюся к серому боку орденской башни.

Время пробуждения в этом году неохотно принимало дела у Времени спячки, и зарождающаяся метель тут же швырнула в лицо Мараца снежную крупу. Он прищурился, и огоньки города вытянулись острыми лучами. Огоньков тех оставалось немного: Арган-ки-Драр находился так далеко от сто-

лицы и других крупных поселений, что электричества в нем хватало не всем, как и прочих радостей жизни. «В следующем году уеду. Брошу все и уеду. Наймусь обратно в столичное бюро и забуду про эту глухомань», — решил Марац и затопал по железной лестнице вниз уже более бодрым шагом, не страшась разбудить соратников по ордену. С закатом они впадали в спячку подобно драконам. Кто-то от усталости, а кто-то, напротив, от праздности. Один Марац ночами корпел над бумагами, чтобы утром продолжить корпеть над бумагами, а днем передохнуть и попробовать покорпеть еще немного.

Он спустился на второй этаж, когда из полумрака лестницы навстречу вышла рослая патлатая фигура с веревкой на плече. Марац отскочил, поскользнулся и едва не растянулся на заледеневших ступенях. Благо, успел ухватиться за холодные перила.

— А я как раз иду к тебе, — пробасила фигура. — Вот так совпадение.

— Кертер, дурья твоя башка! — рявкнул Марац, оправляя дубленку. — С чего ты собрался ко мне посреди ночи? Я сплю!

Кертер окинул его скептическим взглядом, приподняв остатки подпаленных и так и не отросших бровей.

— Так не спишь же?

— Я не… — Марац не нашелся, что ответить. — Чего ты хотел?

Кертер махнул рукой в сторону городской границы, проходившей совсем близко к башне.

— Я по нужде вышел и услыхал треск льда со стороны озера. Хочу проверить, что там стряслось. Вдруг олень провалился или белуга выбросилась?

Он направился вниз, и Марац поспешил следом, раздраженно потирая переносицу. Нет, глупость зятя его забавляла, но порой переходила все рамки. Как и положено старшему брату, Марац постоянно задавался вопросом, что Гида нашла в патлатом неуче. Но ответ оставался ведом одной лишь сестре.

— Откуда, по-твоему, в Лужице взяться белуге? — спросил Марац. — Там и окуней-то нет, а ты о белугах грезишь.

Кертер молча пожал плечами. На первом этаже он снял со стены кислотную лампу, подкрутил колесико, чтобы красноватый огонек светил ярче, повозился с подмерзшим замком и отворил скрипящие ворота. В ордене Кертер занимал пост распорядителя, и потому постоянно таскал с собой связку запасных ключей от всех ворот, комнат и подсобок башни. Ключи придавали его виду определенную солидность, и, может, потому Марац десять лет назад согласился вступить в орден, наслушавшись рассказов зятя.

Они быстро преодолели две улицы и вышли из города на южный выезд. Широкая дорога освещалась, в целях экономии, только с одной, левой стороны. Лужица, давно заросшее озерцо в глубине перелеска, располагалось по правую

руку. Марац цокнул, представляя, как в поисках вымышленной добычи придется пролазить по сугробам через темный ельник, ориентируясь только на огонек ручной лампы. Что ж, зато такая прогулка точно прогонит сон.

Кертер шумно втянул холодный ночной воздух и разом выдохнул, выпустив облако густого пара. У ребятни такая забава называлась ледяным драконом.

— Чего ты злой такой сегодня? — поинтересовался Кертер, когда они миновали первый потрескавшийся фонарь. — Опять Клиф лютует?

— Нет, — ответил Марац. — Лютуют ваши желудки. У нас опять начало пробуждения с дырой в казне, а до приезда пилигримов с такой погодой еще месяца два. Чую, драконам придется довольствоваться сеном, если проснутся вовремя.

Кертер хохотнул.

— Главное, что б у нас с ними рацион различался! А ящерки и без даров протянут. Если и падет кто, так Время запасов у них плодовитым было. Новые подрастут.

— Будь другом, запомни эту фразу хорошенько и повтори Клифу на следующем совете.

— Я тебе друг, конечно, но смерти себе не желаю.

В снегу напротив пятого фонаря шевельнулось что-то темное, и одновременно с этим Марац натолкнулся грудью на выставленную перед ним руку Кертера.

— Вот и виновник шума, — прошептал Кертер. Лязгнула сталь — он достал из ножен привешенный на пояс кинжал.

— Перестань! — почему-то тоже шепотом ответил Марац. — Это собака какая-нибудь или косуля. Кинжал тебе не для того отписан!

Они медленно двинулись к пятому фонарю, с хрустом сминая подошвами снег, припорошивший дорогу. Марац не отрывал взгляда от вновь замершего темного клубка, и казалось, что тот парит на холоде. Кроме одичавших собак, хищников в окрестностях города не водилось, но отчего-то затылок Мараца стягивало цепким страхом. И он лишь усилился, когда нечто вновь заворошилось в снегу и приподнялось дерганными полуживыми движениями. Марац часто заморгал, словно пытаясь проверить, не чудится ли.

— Кертер, там человек, — произнес он. — Человек!

Марац выхватил у зятя лампу и поспешил вперед. Незнакомец к тому времени вновь осел в сугроб, растянулся неровным темным пятном в паре метров от обочины. Марац едва рассмотрел его одежду: серый кафтан странного фасона, льняные брюки и явно летние сапоги. «Наверняка чей-то слуга, — подумалось ему. — Больно все дешево выглядит».

— Эй! — Марац поставил лампу на дорогу, бросился в снег и вытянул человека за ворот кафтана. — Живой?

Юноша, на вид ему было не больше семнадцати, молчал. На его побелевших щеках резко выделялись алые пятна, ресницы слиплись, губы просвечивали нездоровой синюшностью, смешавшиеся со снегом волосы сбились в мерзлый колтун. Марац стащил мокрый шерстяной кафтан, по подо-

лу которого поблескивали льдинки, быстро снял дубленку и укутал парнишку.

— Гида дома? — спросил Марац подоспевшего Кертера.

— Где ж ей быть?

— Давай туда. — Марац поднял юношу и забросил зятю на плечо. — Скорее только, ну! Я подсвечу дорогу.

Они бежали, метель усиливалась, и Марац то и дело оборачивался на Кертера, боясь, как бы тот не упал вместе со своей ношей. Дом Гиды приткнулся на краю города, чуть восточнее выезда. Марац всегда считал такое расположение крайне непригодным для нормальной жизни, но сейчас благодарил судьбу за то, что сестра решила приберечь деньги и не взяла квартиру ближе к центру.

Гида отворила дверь не сразу, заспанная, в теплом халате и тюрбане, придерживающем завитые на бигуди бело-рыжие волосы.

— Мар, что стряслось-то? — она глянула ему за плечо и ахнула. — Ой, силы земные! Кертер!

— Прости, разуваться не будем. Посторонись-ка. — Марац прошел в прихожую, сбросил с дивана подушки, застелил его накидкой с кресла. — Кертер, укладывай и подкинь дров. Гида, принеси сухих вещей, его лучше бы переодеть поскорее.

Из-за угла показалась любопытствующая мордашка с круглыми темными глазами, а за ней еще одна, поменьше.

— Спать, обе! — прикрикнула Гида и сама заторопилась

за дочерьми в комнату, где стоял огромный сундук с одеждой Кертера, которую он носил во время отгулов в город.

Напольные часы, натужно поскрипывая старыми механизмами, остановились на трех пополуночи. Марац поднял отяжелевшую голову от стола, глубоко зевнул и встряхнулся. Обветренные щеки покалывало от тепла кухонной печи, промокшая и не до конца высохшая после пробежки в лечебницу рубаха неприятно липла к спине. Чай давным-давно остыл, но Марац к нему так и не притронулся, как и к разогретой наспех лепешке с сыром.

В прихожей вполголоса переговаривались дежурные лекари, постукивали металлические инструменты, с хрустом вгрызались в бинты ножницы. Иногда слышались фразы, произнесенные Тионитой — ученой ордена, постоянно норовившей оказаться в гуще событий. Сегодня ее порывы встретились с желаниями Мараца, и потому по пути из лечебницы он захватил Тиониту с собой. До вступления в орден она работала в аптекарской лавке, но, что важнее, знала все три основных языка. Марацу показалось, спасенный ими юноша не из Арган-ки-Драра, не из столицы и не из Консорина вообще. Если парнишка заговорит в ближайшее время, отыскать его родню получится куда быстрее.

— Здесь записаны все рекомендации, уважаемая Тионита, — донесся приглушенный дверью голос лекаря. — Если до утра температура не достигнет нормы, его лучше отвезти к нам под наблюдение. Позвоните в приемный покой, и мы

пришлем машину. Нужно ли повторить это казначею?

Кертер, растянувшийся на кухонном диванчике, басовито всхрапнул. Да так громко, будто выдавал норму храпа за двоих.

— Нет, нет, — затараторила Тионита. — Он наверняка задремал после пережитого, не будем беспокоить. Спасибо вам за работу.

— Выписку пришлем с посыльным в башню.

Марац мучительно поморщился и отхлебнул остывшего чая. Опять траты, разумеется. А когда получится выяснить, что за неосмотрительный чудак решил искупаться в начале Времени пробуждения, придется выдать возмещение. Его семье или хозяевам, если парнишка впрямь из числа невольников. Озеро-то, как и вся южная часть города, под присмотром ордена.

Входная дверь захлопнулась, и Тионита тут же заглянула в кухню. Черно-каштановые кудри разметались по плечам, глаза за округлыми очками озорно поблескивали, и Марацу это не пришлось по душе.

— Ну? — мрачно спросил он вполголоса.

— Жить будет, — Тионита улыбнулась, отчего на ее лице появились десятки морщинок. — Не грусти, казначей! Там такое!

— Какое «такое»? — Марац поднялся из-за стола, едва не опрокинув оставленную на краю кружку. — Ты с ним поговорила?

Тионита замотала головой.

— Пока нет, разговора у нас не вышло. Так, сказал пару фраз, пока над ним лекари колдовали.

— Что сказал?

— Не знаю! — Тионита заулыбалась шире. — Марац, он говорит на языке, который ни на что не похож! Ни на один основной язык, ни на один диалект. Белиберда, но осмысленная!

Марац глянул на часы. Пятнадцать минут четвертого. Может, зря он Тиониту разбудил? Она и без того частенько увлекалась, а тут, похоже, совсем помешалась. Видно, мысли отразились у него на лице, потому что Тионита подскочила к Марацу и потянула за собой.

— Ты погляди, погляди, а потом хмурься!

Они вышли в прихожую, пропитавшуюся запахами мазей и притирок подобно палате в лечебнице. Паренек лежал на диване, укрытый одеялами и погруженный в глубокий сон. На стену рядом повесили кислотную лампу, сестринская собака Чапа свернулась белым клубком у ног. Кожа юноши перестала походить на мертвецкую, и Марацу стало спокойнее.

— Смотри, — прошептала Тионита, указывая на волосы парнишки. — Понимаешь, о чем я?

Марац прищурился. Сперва не поверил глазам, повернул голову спящего и осмотрел со всех сторон. Волосы и брови были теплого пшеничного цвета, без единого намека на вторичный. Одноцветными локонами могли похвастаться разве

что альбиносы, но парнишка к их числу явно не принадлежал.

— Крашеный, — с сомнением протянул Марац, возвращаясь на кухню. — Наверное, второй цвет белый, вот и не видно отличия.

— Ты хоть раз крашеных видел? — возмутилась Тионита. — Разницу видно всегда, если только черным не залить. А он ведь не черноволосый!

Кертер вновь всхрапнул, и за храпом скрылся недовольный вздох Мараца.

— В толк не возьму, к чему ты клонишь, Тионита? — Он всплеснул руками. — Что мне теперь, в столичный музей парнишку везти? Я думал, мы его сплавим тихонько, когда оклемается.

Она поправила очки, под которые забилась кудрявая прядь, и с вызовом уставилась на него.

— Ну нет! Я в нашем ордене все изучаю, и этот случай стоит изучения! Вдруг парень и правда из еще неизведанных краев?

— А я в нашем ордене покрываю траты. — Марац постучал пальцами по открытой ладони. — Лишний рот нам не нужен, пусть он хоть из иного мира к нам пришел. И ты изучаешь драконов, не людей.

Тионита закусила губу, глаза за круглыми очками заметались из стороны в сторону. «Возразить ей нечего, — довольно подумал Марац. — Решено: днем схожу к городничему,

пропишу парнишку как неизвестного безродного, и он станет заботой города. И как я сразу не догадался?»

— Послушай, казначей, — заговорила Тионита. — Я и правда исследую драконов, но ведь наука за пределами Арган-ки-Драра этим не ограничивается! Разве другим ученым не интересно будет взглянуть? Если развитие у него впрямь аномальное, сюда могут стянуться и профессора из столицы. У них карманы всегда набиты.

Марац задумчиво закрутил косу на бороде. Припомнил, что лет пять назад лично выписывал Тионите пятьсот золотых арупанов, чтобы она отправилась на пятый континент, где нашли дракончика с четырьмя парами конечностей. Дракончик быстро пал, но Тионита забрала скелет с собой, и в Арган-ки-Драр иногда наведывались ученые для снятия копий. Разумеется, за разумную плату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.